

*

Чтобы тебя, мой друг, настроить на мажор
деревьев, птиц, сырого ветра, поля,
я покажу тебе весь наш заречный бор,
вздыхающий над пахотой раздолий.

Вот на дыбы вздымается река,
и ржанье лошадей с обрыва...
Всё правда. И почти сошли снега,
и надо жить, но жить неторопливо.

Уже в чертах родимой стороны
блаженное витает время года.
Могучая струя голубизны
взломала горловину небосвода.

Вновь вспучился над берегами лёд
такой прозрачный, что в его овале
как будто даже видно и народ,
столпившийся в заречной дали!..

Я в эту сутолоку издавна влюблён
за то, что я живу под этим небом.
И, друг, давай по родине пройдем
и попрощаемся с последним снегом!..

Смеркалось... Позади была чужбина.
И сумерки сырые на полях
лепили облака. Торчала льдина,
оплывшая глазурью в тальниках.
Запруда вздулась пузырём. Рогожей
запахла Русь... Околица села
сном захолустья плавала. Прохожий
посторонился прочь... Колокола
угрюмый ветер шелохнул за рощей.
И оборотни ветел под луной
мерцали серебром... И часом позже
остановилась лошадь у черты родной.
Возок пристал к обочине. Наружу
сутулый человек шагнул. Потом,
болезненно сощурясь, глянул в лужу,
на темноту, на дальний окоём, и шляпу снял..
Сквозь ночь необозримый
с дозорною берёзой талый лес
привиделся старинною былиной
под миротворной бездною небес!
И лунь летал. Прозябла вся природа.
Белел шлагбаум... Снова всё кругом опознано.
Край русского народа –
о, Родина, уже ты за холмом!..

*

Просквози мою душу, проветри,
просветленная громом весна!
Накатись, половодье, не медли,
дай мне ветра набраться сполна!

Дай мне шелест просторов подслушать,
берега бытия разомкнуть,
притяжение мрака нарушить –
через небо на землю взглянуть!

За пределами тесного мира
по овалу струятся леса
и берёза, как белая лира,
собирает скворцов голоса.

Долетели! Узнали родное!
Хороводят, хлопочут, поют!
И отвесной своей глубиною
горизонт распахнуло на юг!

И внезапным волнением полнясь
от бушующих токов крови,
перед горним сиянием полдня
обрываются речи мои!..

О, сколько облаков! Светла сквозная тень
над городом моим, над горсткой деревень.
Вновь учится шуметь прозрачная листва
на крепких деревьях ещё едва-едва...

На крепких деревьях живут наречья птиц.
Так вот где лягу я, вздохнув, на землю ниц!
Услышу голоса людей, судьбы, дорог –
тех самых, где прошёл и где пройти не смог.

О, дальние, скажу я, знаю ваш укор
за то, что не дошёл до самых крайних гор,
до ледяных морей, до сумрачных пустынь,
до чистой вышины сверкающих твердынь!..

По звёздным чертежам я начал строить дом –
он превратился в дым, и, видно, поделом.
Как дым он улетел, как детские мечты,
и я не воплотил основы простоты.

*

По долинам, лугам половодье идёт,
подпирает черту окоёма!
Чья-то смытая изгородь сиро плывёт,
мелкий мусор лесной и солома.
С ещё вязких полей долетает в лицо
чернозёма томительный запах.
И спешат старики на тепло, на крыльцо
в телогрейках своих, будто в латах.
В каждой луже вокруг опрокинулся вид
синевы, что землёй невместима.
Одурев от весны, мокрогубо мычит,
месит грязь возле фермы скотина!..
И такая во всём разлита благодать
и так вербы светло распустились,
что мерещится мне: вот и люди, опять
подобрев, обнялись, помирились.

*

Не спится чудаку весенней ночью.
Он в валенках выходит на крыльцо.
Берёза распускающейся почкой
из палисада тянется в лицо.
Повсюду – над угорами, лесами
и в облаке раскинутых ветвей –
насыпано бесщётными звездами,
одна другой кристальней и крупней!
И хочется ступить на тёмный воздух,
и зашагать неудержимо ввысь
над огородом в изгородях острых,
над избами, что в кучку собрались.
И дальние миры в потёмках мая
на первый взгляд не так уж далеки.
И Млечный путь блестит, напоминая
недавний зимник около реки.
Как будто деревенские обозы
из розвальней, кошёвок и саней
прошли гуськом по небу, и морозы
сменились тёплой тягою с полей.
И всё, что сердцу сызмала родное,
опять зовёт, волнует и томит.
И как заснуть, когда над головою
вся глубина безмолвия гремит!..